

ИСЛАМ В РОССИИ

В.Х. Акаев

Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом

В статье рассматриваются вопросы становления ваххабизма на территории северного Кавказа, а также особенности конфликта с суфизмом. На основе исторических и современных материалов делается попытка анализа взаимоотношений ваххабизма с традиционным исламом, обществом и государством. Освещены проблемы внутренних конфликтов, попытки захвата власти, и идейно-идеологические разногласия между двумя ветвями суннитского ислама.

Ключевые слова: *ваххабизм, суфизм, мухаджир, халифат, религиозно-политический экстремизм, такфир, кафир, шарият.*

The article deals with the formation of Wahhabism in the North Caucasus, and especially the conflict with Sufism. On the basis of historical and modern materials makes an attempt to review the relationship with the traditional Wahhabi Islam, society and state. The problems of internal conflicts, attempts to seize power, and ideological and ideological differences between the two branches of Sunni Islam.

Keywords: *Wahhabism, Sufism, Muhajir, the caliphate, the religious and political extremism, takfir, infidels, the Sharia.*

Начиная с середины 90-х годов XX в. ваххабиты на Северном Кавказе от миссионерской деятельности по распространению «чистого ислама» переходят к политике конфронтации с традиционным исламом, особенно с суфизмом. Идейные споры заменяются политическими лозунгами и деяниями, приобретающими религиозно-экстремистский характер. В своей политической практике «северокавказский ваххабизм» преследовал далеко идущие планы – оттеснение с религиозно-политической сцены региона представителей традиционного ислама, осуществление государственного переворота и захват власти, создание «кавказского халифата». В этом проявился религиозно-политический экстремизм региональной формы ваххабизма. Все это обостряло взаимоотношения ваххабизма с традиционным исламом, обществом и государством.

Первые столкновения, происшедшие между ваххабитами и представителями суфизма, основанные на идейных и идеологических разногласиях, произошли в Дагестане. Против традиционного для Дагестана суфийского ислама открыто выступал лидер регионального ваххабизма Багаутдин Магомедов. Он пытался изобличить традиционалистов в незнании Корана, теологической неграмотности и заблуждениях. Ваххабиты свое понимание ислама считают наиболее правильным, себя называют последователями чистого ислама или салафитами. Споры между традиционалистами и ваххабитами, приобретая политический характер, нередко завершались драками и кровопролитием.

Как отмечает К.М. Ханбабаев, «в 1991–1995 гг. произошел ряд вооруженных стычек между представителями ваххабитов и традиционного ислама в Кизилюртовском, Казбековском районах, г. Махачкала»¹. В 1994 году, после начала войны в Чечне, дагестанская милиция усиливает контроль над деятельностью ваххабитов, в мечетях и собственных домах они подвергаются обыскам. По утверждению К.М. Ханбабаева, «в 1995 году деятельность ИПВ в Дагестане была запрещена»².

Радикализация ваххабитской деятельности в Дагестане происходит после возвращения молодых дагестанских ваххабитов, принявших участие в военных действиях против федеральных сил на территории Чечни. В мае 1996 года в Карамахи на почве избрания нового кадия мечети происходит столкновение между ваххабитами и сторон-

¹ Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. – С. 112.

² Там же.

никами суфизма. Летом 1997 года в дагестанском селе Карамахи, во время совершения погребального обряда, возникает конфликтная ситуация между родственниками – сторонниками ваххабизма и традиционного ислама. В этот конфликт были вовлечены сотни вооруженных молодых людей, враждующие стороны захватывали заложников. С большим трудом органам власти удалось погасить конфликт.

Итогом усиливающейся с каждым годом экстремистской деятельности ваххабитов стало вооруженное нападение 22 декабря 1997 г. на воинскую часть, дислоцированную в г. Буйнакск. После этого Б. Магомедов со многими своими сторонниками скрылся на территории соседней Чеченской Республики, превратившейся в один из главных центров ваххабизма на Северном Кавказе³.

Среди чеченцев деятельность ваххабитов в целом воспринималась враждебно. Недовольство ваххабитами в Чечне достигло крайней черты, нужен был повод, чтобы произошел взрыв. И такой повод представился 14 июля 1998 года в Гудермесе, где на бытовой почве произошла ссора между ваххабитами и гвардейцами полевого командира С. Ямадаева, переросшая в настоящее военное сражение. Ваххабитов поддержали полевые командиры Арби Бараев, Абдул-Малик Межидов, возглавлявшие военные шариатские структуры, укомплектованные ваххабитами. Гвардейцы же были поддержаны жителями многих сел Чечни, последователями тарикатов накшбандийа и кадирийа.

В ходе сражения с традиционалистами ваххабиты понесли большие потери. По официальным данным, было убито 50 человек, в т. ч. более 30 ваххабитов, 10 мирных жителей и около 20 гвардейцев. В своем интервью Джабраил Ямадаев отмечал, что «в ходе боестолкновения погибли 128 ваххабитов и этого ни Хаттаб, ни Басаев нам никогда не простят»⁴. Среди убитых ваххабитов было много молодых чеченских парней. Сражение, происшедшее в Гудермесе – одно из немногих крупных кровавых конфликтов, когда-либо возникавших между чеченцами на почве религиозных разногласий.

Объясняя причины, приведшие к военному конфликту, А. Масхадов констатировал, что ваххабиты создали параллельные военные и политические структуры и отказываются подчиняться органам власти. По признанию А. Масхадова, деятельность ваххабитов финансировалась из-за рубежа. Он же терпел ее, рассчитывая на то, что «ваххабитов можно будет использовать в интересах государства». Критикую своих оппонентов, А. Масхадов утверждал, что ваххабизм делает из чеченской молодежи роботов, отравляя их сознание. По его мнению, идеология ваххабизма распространялась врагами чеченского народа и евреями. Следуя логике Масхадова, получалось, что врагами чеченского народа были его соратники М. Удугов, И. Халимов, В. Арсанов, Ш. Басаев, З. Яндарбиев, И. Умаров, которые либо являлись ваххабитами, либо активно поддерживали их.

А. Масхадов призвал имамов мечетей, местные органы власти Чечни решительно изгонять со своих территорий ваххабитов. По телевидению зачитывался его указ о разжаловании бригадных генералов А. Бараева и А.-М. Межидова до рядовых и лишения всех правительственных наград Ичкерии, об упразднении возглавляемых ими военных структур. Были признаны персонами нон-грата трое иностранцев и лидер дагестанских ваххабитов: арабский наемник Хаттаб, некто Абдурахман, амир джамаатов (ваххабитских групп), Гариб Шашани, работавший в Верховном шариатском суде Ичкерии и Багаутдин Магомедов, лидер ваххабитов Дагестана. Однако требование Масхадова не было выполнено, поскольку в конфликт вмешался вице-президент Чечни Ваха Арсанов, благодаря его «миротворческой» деятельности, ваххабиты избежали полного разгрома в Гудермесе и по всей Чечне.

³ Там же.

⁴ Труд. – 2000. – 13 февраля.

В защиту Хаттаба по чеченскому телевидению выступил Ш. Басаев, заявивший, что Хаттаб к гудермесским событиям не причастен, поскольку он его побратим, то никому не позволит его изгнать из Чечни. Это заявление было открытым вызовом А. Масхадову. А Хаттаб в своем выступлении по телевидению заявил, что он по заданию руководства Чечни занимается обучением молодых бойцов военному делу. Хаттаб и арабские наемники, проживающие в Чечне, продолжили свою террористическую деятельность.

Очень часто различных публикациях высказывается мнение о том, что Хаттаб имеет чеченские корни. Так, В. Бобровников и А. Ярлыкапов писали, что Хаттаб – «потомок кавказских мухаджиров из Чечни, обосновавшихся в Иордании (по другим сведениям – в Саудовской Аравии)»⁵. В другом источнике В.О. Бобровников утверждает, что Хаттаб – «выходец из чеченской диаспоры Иордании или Саудовской Аравии»⁶. Эти высказывания не объективны, ибо он не являлся выходцем чеченской диаспоры, образовавшейся на Ближнем Востоке.

Генерал Г.Н. Трошев в своей книге отмечает: «Эмир Ибн аль-Хаттаб, в переводе с арабского – Черный араб (он же Однорукий Ахмед), родился в 1966 году в богатой иорданской семье чеченского происхождения»⁷. В цитате Г.Н. Трошева имеются, по крайней мере, две фактические ошибки. Во-первых, ибн аль-Хаттаб никак не переводится с арабского языка как черный араб. Во-вторых, семья, в которой он родился, не была иорданской, уж тем более, чеченского происхождения. Террорист Хаттаб, уничтоженный российскими спецслужбами по своему происхождению – араб и выходец, судя по некоторым источникам, из северной части Йемена. Выходцем из этой страны считается и Усама бен Ладен, с которым Хаттаб имел непосредственные контакты.

Избегавшие полного разгрома, ваххабиты стали сосредотачиваться вблизи села Старые Атаги, где проживал З. Яндарбиев. Они призывали его возглавить их борьбу против власти А. Масхадова. Генеральный прокурор Ичкерии Х. Сербиев предупредил З. Яндарбиева о недопустимости действий, противоречащих Конституции Ичкерии. Кроме того, односельчане З. Яндарбиева строго предупредили его, что он будет выдворен из села в случае поддержки им ваххабитов.

З. Яндарбиев обвинил в кровопролитии, происшедшем в Гудермесе, лично А. Масхадова. З. Яндарбиев в адрес А. Масхадова выдвинул серию обвинений о том, что он боится укрепления шариата, желает создать под свою личность особое тоталитарное государство, способное контролировать все сферы жизни общества, не имеет четко обозначенного политического курса по отношению к России, действенной программы укрепления независимого исламского государства, высокие должностные лица в государстве совершили преступление нападением на телевидение, совершили массовое убийство чеченцев, предварительно разделив их по религиозному признаку, привлечены к этой преступной акции подразделения государственных силовых структур.

Муфтий мусульман Чечни А. Кадыров, реагируя на эти обвинения, отметил, что усиление ваххабизма в Чечне произошло из-за деятельности главного ваххабита Дагестана Багаутдина Магомедова, приглашенного З. Яндарбиевым в Чечню в августе 1996 года, для утверждения шариата вопреки его возражениям. С появлением Багаутдина, заметил муфтий, раскол среди чеченских мусульман заметно усилился, а происшедшее в Гудермесе кровопролитие явилось следствием проваххабитской деятельности Яндарбиева. Муфтий А.-Х. Кадыров, будучи открытым противником ваххабизма, вел идеоло-

⁵ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. – М., 1999. – С. 21.

⁶ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002. – С. 90.

⁷ Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М., 2001. – С. 228.

гическую борьбу против его сторонников. В свою очередь, ваххабиты вели антикадыровскую пропаганду и совершали покушения на него.

Встретив сопротивление жителей Старых Атагов, ваххабиты перебазировались в селение Урус-Мартан, в котором существовала джамаатская (ваххабитская) группа, возглавляемая братьями Ахмадовыми. Урус-Мартан, всегда являвшийся центром антидудаевской оппозиции, начиная с лета 1998 года, превратился в крупный центр ваххабизма в Чечне.

По инициативе муфтия А. Кадырова в Грозном созывается конгресс мусульман Северного Кавказа. Экстренный созыв такого конгресса был связан с резким обострением общественно-политической ситуации в Чечне, Дагестане и потенциальной угрозой ее развития в Ингушетии. Выступавшие на конгрессе представители северокавказского духовенства, отмечали, что ваххабиты проводят среди мусульман раскольническую деятельность, допускают экстремизм, бесцеремонно вмешиваются в политическую жизнь, вооружают своих приверженцев, бросают вызов официальным властям. В заявлении, принятом на конгрессе, деятельность ваххабитов подверглась резкому осуждению, органы власти Северного Кавказа призывались объявить ваххабизм вне закона, «немедленно расформировать вооруженные группировки проваххабитского характера», президенту Чечни предлагалось избавиться от «представителей администрации президента и правительства морально и материально, поддерживающих это экстремистское течение».

А тем временем в Москве на Старой площади 22 июля 1998 г. в здании администрации президента России происходит заседание «обновленной комиссии при президенте России по противодействию политическому экстремизму». В нем принимают участие министр юстиции Крашенинников, директор ФСБ Ковалев, министр внутренних дел Степашин, министр по делам национальностей Сапиро. Комиссия приняла пространное решение: «комиссия пришла к выводу, что течение ваххабизм не является экстремистским. Следует отличать религиозное течение от экстремистских направлений, которые существуют в нем»⁸. Ваххабизм, официально запрещенный в Чечне и Ингушетии, признаваемый в Дагестане религиозным экстремистским течением, российские силовые министры охарактеризовали течением неэкстремистским и мирным.

После гудермесского кровопролития на А. Масхадова было совершено покушение, в результате которого погиб один из его охранников. Некоторые эксперты эту акцию связали с ваххабитами, якобы ставшими на путь мести за гудермесский разгром. Другие полагали, что путем ликвидации А. Масхадова готовился государственный переворот в Чечне. 21 августа 1998 г. в г. Махачкала было совершено покушение на муфтия Дагестана С. Абубакарова. В момент, когда он прибыл на пятничную обеденную молитву в центральную мечеть, его автомобиль был взорван. Погибли муфтий, его родной брат и шофер.

В убийстве известного на Северном Кавказе муфтия вице-президент Чечни-Ичкерии Ваха Арсанов обвинил американские и израильские спецслужбы, якобы преследующие цель организации на Кавказе религиозного конфликта между разными течениями ислама с последующим вводом войск ООН в этот регион. Убийству муфтия Абубакарова в Дагестане предшествовал ряд событий. Жители дагестанских селений Карамахи, Чабанмахи, будучи сторонниками ваххабизма, объявили на своих территориях «исламскую республику». Было отменено действие российских законов на этих территориях и введен шариат. Дагестанские власти признали эти действия экстремистскими и антиконституционными, «представляющими угрозу безопасности Дагестана его единству и целостности», было принято решение восстановить конституционный

⁸ Известия. – 1999. – 23 марта.

порядок на этих территориях. Но конституционный порядок в этой зоне силами властей Дагестана так и не был восстановлен, для этого потребовалась крупная войсковая операция, осуществленная несколько позже.

Деятельность муфтия Абубакарова носила антиваххабитский характер, он поддерживал позицию дагестанских властей по отношению к экстремистам. Конфликт между дагестанскими властями и ваххабитами приобретал острую форму. На антиваххабитские действия дагестанских властей, усилившиеся после убийства муфтия Дагестана, отреагировал Ш. Басаев, избранный председателем Конгресса народов Ичкерии и Дагестана. Он заявил, что в случае применения оружия против братьев мусульман (т.е. ваххабитов), объявивших действие шариата на своей территории, с его стороны будет оказана всяческая помощь.

Заявление Басаева противоречило официальной политике руководства Ичкерии. На это указал и первый вице-премьер Ичкерии Т.-А. Атгериев, который заявил, что деятельность ваххабитов, составлявших значительное меньшинство мусульман Дагестана, направлена против его народов, ненавидящих ваххабитов, а чеченское вмешательство – не только ошибка, но и провокация, цель которой не допустить укрепление Чеченского государства. В конфликт между ваххабитами и властью в Дагестане вмешивается министр внутренних дел России С. Степашин, который после встречи с карамахинцами, признал обоснованными их претензии к коррумпированной власти и предложил им и средствам информации не допускать в публикациях употребление ярлыка «ваххабиты». В свою очередь, карамахинцы обязались подчиняться российским законам.

Острота конфликта между ваххабитами и властью в Дагестане временно снимается при посредничестве российского министра внутренних дел. Кроме того, С. Степашин, пообщавшись с карамахинцами, направляет им в обход власти Дагестана гуманитарную помощь в лекарствах. Новый муфтий Дагестана А.-Х. Абдулаев заметил, что гуманитарную помощь Дагестану следовало бы оказывать через министерство здравоохранения республики. И далее подчеркнул, что «люди у нас говорят: откуда известно, что там были медикаменты или оружие?»⁹

В Ингушетии против распространения ваххабизма выступил Президент Р. Аушев, поддерживаемый официальным духовенством. Он фактически запретил их деятельность в Ингушетии, выдворил из республики приезжих арабов, осуществлявших преподавание ислама в учебных заведениях, ими же созданных. Для противодействия ваххабизму на Северном Кавказе в г. Назрань, столице Ингушетии, создается координационный центр мусульман Северного Кавказа, в состав которого вошли муфтии Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Этот центр, по замыслу его организаторов, был призван решать задачи миротворческого характера, сохранения стабильности в регионе и сдерживать распространение ваххабизма. Председателем его сроком на один год был избран муфтий Ингушетии Магомед Албогачиев. Создание антиваххабитского центра явилось ответной реакцией традиционного ислама на угрозу со стороны религиозного радикализма.

Очередной виток военных столкновений между ваххабитами и представителями традиционного ислама связан с тем, что 1500 вооруженных дагестанских ваххабитов, возглавляемых Б. Магомедовым, отправились в Цумадинский район якобы для решения вопросов о примирении. По мнению Адалло Алиева, аварского поэта, одного из руководителей Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, эмигрировавшего за рубеж, а затем вернувшегося в Дагестан, «подоплека этого возвращения ваххабитов связана с тем, что к дагестанским моджахедам, проживавшим в Чечне, которые занимались коммерцией, учились религиозным наукам, обучались азам военного искусства, в июне-

⁹ Независимая газета. – 1998. – 16 декабря.

июле 1999 года одним за другим зачастили высокопоставленные чиновники из Дагестана»¹⁰. Эти чиновники приглашали их домой с оружием в руках, обещая личную неприкосновенность. Поверив им, некоторые жители Цумадинского района во главе с Багаутдином Магомедовым вернулись в отчий край. Итогом этого возвращения стало то, что в июне 1999 года в Цумадинском районе религиозные экстремисты во главе с М. Курамагомедовым и Б. Магомедовым (Кебедов) заявили о создании в населенных пунктах Эчеда, Хвайниколо, Сильди, Гакко территории с шариатской формой правления по карамахинскому варианту»¹¹. По мнению К.М. Ханбабаева, это событие явилось началом крупномасштабного конфликта в Дагестане. Ваххабиты Б. Магомедова были окружены войсками и милицией и от них потребовали сложение оружия. После отказа выполнить требование властей началась операция по их подавлению. Дагестанские ваххабиты попросили помощи у «братьев-мусульман» Хаттаба и Басаева. 2 августа 1999 года в горный Дагестан с территории Ичкерии вошли вооруженные группы во главе с Ш. Басаевым и Хаттабом. Международные, дагестанские и чеченские боевики, прошедшие подготовку на диверсионных базах Хаттаба и Басаева, без препятствий вторглись в соседнюю республику.

Когда федеральные войска вытеснили боевиков из Дагестана, то военные действия были перенесены на территорию Чечни. Но и в самом Дагестане происходили ожесточенные сражения между дагестанским ополчением и ваххабитами, обосновавшимися в Карамахи и Чабанмахи. В этот момент, чтобы облегчить участь, уничтожаемых в Чабанмахи ваххабитов, Гелаев и другие полевые командиры совершают нападение на Новолакский район, что привело к временному отвлечению федеральных войск от Чабанмахи. Тем не менее, ваххабитские селения были разрушены, погибли сотни людей, семьи экстремистов были изгнаны из своих домов.

В сентябре 1999 года в Чечне начались крупномасштабные военные действия. Военное командование приняло решение окончательного разрешения «чеченского вопроса». Воинственные генералы во второй военной компании в Чечне, обвиняя политиков в том, что они украли у них победу в первой войне, требовали свободу действий, чтобы довести войну с Масхадовым до победного конца. Одновременно Москва требовала от Масхадова, чтобы он осудил действия Басаева, Хаттаба и присоединился к федералам. Однако Масхадов не принял эти условия, поскольку видел в России врага, а ваххабитов во главе с Басаевым считал только своим политическим противником.

В связи с усилением в российском обществе национал-патриотических тенденций в общественном сознании стала доминировать установка на силовое разрешение российско-чеченского конфликта. Происшедшие в 1999 году теракты в Буйнакске, Москве, Волгодонске, повлекшие за собой гибель нескольких сотен человек, и обвинения в этом чеченцев, окончательно укрепили эту точку зрения и обусловили развертывание масштабных военных действий в Чечне.

«Северокавказский» ваххабизм имеет свои особенности, отличающие его от классического ваххабизма, являющегося государственной идеологией Саудовской Аравии. Как известно, ваххабизм опирается на ханбалитский мазхаб, признаваемый мусульманскими теологами как одну из догматико-правовых систем в суннитском исламе. С точки зрения З.С. Арухова, «фактор ваххабизма играет важную роль в поддержании и функционировании саудовской политической системы», его поддерживают граждане этой страны, придерживающихся суннитских убеждений¹². На востоке и западе Сау-

¹⁰ <http://www.kavkaz.org/istoriya/kniga%Adallo>.

¹¹ Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимпы и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. – С. 117-118.

¹² Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Проблемы взаимоотношения власти и оппозиции. – Махачкала, 2002. – С. 60.

довской Аравии ваххабизм, судя по его утверждению, особой популярностью не пользуется.

Поскольку среди мусульман Северного Кавказа существуют только два мазхаба – шафиитский и ханифитский, связанные суфизмом, то вопрос принятия ваххабизма мусульманами здесь представляется проблематичным. У ваххабизма в данном регионе отсутствует не только соответствующая социальная база, но и догматико-правовая почва. Именно поэтому ваххабизм на Северном Кавказе не мог широко прививаться и его распространение шло путем вовлечения маргинальных слоев общества, асоциальных элементов или же через использование финансов.

Часто в научной литературе возникает вопрос о времени и месте появления ваххабизма на Северном Кавказе. По этому вопросу существуют противоречивые высказывания. Так, К.С. Гаджиев пишет: «В советский период ваххабизм впервые появился на территории Чечни в конце 70-х годов. Но в тот период он не нашел широкой поддержки, а государственные органы сумели оперативно пресечь деятельность его проповедников»¹³. Ныне здравствующий шазилийский шейх Саид Афанди Чиркейский считает, что из тех, кто первым привнес ваххабизм в Дагестан был Али Каяев (Замир Али)¹⁴. Известный дагестанский исследователь ислама М.В. Вагабов писал, что «в религиозной жизни Дагестана в восьмидесятых годах нашего века (XX века. – В.А.) появилось новое, третье по счету, суннитское направление – ваххабизм»¹⁵. В. Бобровников считает, что первый всплеск исламизма в Дагестане был отмечен в конце 70-х годов и «центрами движения были Кокрек, Нечаевка, Ново-Сиситли, Ясная Поляна и другие смешанные аваро-даргино-кумыкские селения Терско-Сулакской низменности Дагестана»¹⁶. Здесь возникли нелегальные мусульманские школы (медресе), организованные дагестанскими учеными-алимами, проводившими духовно-просветительскую и миссионерскую работу (да'ва)¹⁷. Эти мусульманские школы и местные алимы, преследуемые властью, заложили основу для широкого распространения в Дагестане исламского радикализма. Из приведенных выше высказываний видно, что ваххабизм в советский период в Дагестане все-таки появился значительно раньше, чем в Чечне.

Фактически ваххабизм в Чечне проявился в 1992 году. В здании «Промавтоматики» была организована исламская группа, в состав которой вошли А. Матаев (одноногий Ахмад из Бачи-Юрта), врачи И. Халимов и И. Умаров, журналист М. Удугов, Ш. Басаев и др. Членов этой группы в народе называли ваххабитами. А. Матаев совместно с иностранными миссионерами, прибывшими из Судана, Египта, Пакистана, организовывал телепередачи по проблемам ислама, в ходе которых демонстрировались телефильмы, проповедующие джихад мусульман против западных колонизаторов.

Между тем в 80–90-х годах XX столетия Дагестан становится идеологическим и политическим центром ваххабизма на Северном Кавказе, а главным его распространителем – Багаутдин Магомедов, создавший в ряде населенных пунктов Дагестана религиозные школы, в которых изучался «чистый ислам». Одна из таких школ была расположена в г. Кизилюрт Дагестанской АССР, в которой обучались молодые люди из Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Общее число их, по некоторым данным, достигало 700 человек. К.М. Ханбабаев считает, что «с конца 80-х годов XX в. на территории ряда городов и районов Дагестана и Чечни появились нелегальные

¹³ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 261.

¹⁴ Саид-Афанди аль-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. – М., 2003. – С. 99.

¹⁵ Вагабов М. Кто заинтересован в эскалации войны // ИГ – Религии. – 1999. – 1 сентября.

¹⁶ Бобровников Владимир. Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): миф и реальность // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 82.

¹⁷ Там же.

формирования религиозно-политического фундаменталистского течения ислама, впоследствии названного «ваххабизмом»¹⁸.

После распада СССР и провала коммунистической идеологии мусульмане Северного Кавказа получают возможность свободного отправления своих религиозных потребностей. Некоторые политически активные мусульмане обвиняли коммунистов в насилии против верующих, разрушении мусульманских святынь. Они принимают участие в политических процессах, протекавших в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Дагестанский муфтий Сайидмухаммед Абубакаров, погибший от совершенного против него теракта, признавался, что он вместе с ваххабитами на митингах в начале 90-х отстаивал «право на свободу вероисповедания, добивался земли под строительство мечетей»¹⁹. Под их воздействием в этих республиках возникают местные структуры духовного управления мусульман, возглавляемые новыми властолюбивыми лидерами. Летом и осенью 1991 года в период кризиса власти в Чечено-Ингушетии многие суфийские братства вовлекаются в политическую борьбу.

Воспользовавшись ГКЧП, лидер ОКЧН Д. Дудаев и его окружение начинают открытую борьбу за власть в Чечено-Ингушетии, но для этого им недоставало широкой народной поддержки. Им удается привлечь на свою сторону отдельных последователей шейхов Кунта-Хаджи, Чим-Мирзы, Вис-Хаджи. Высказываясь по поводу, полученной Д. Дудевым поддержки среди части чеченцев, Юсуп Сосланбеков, один из активных участников «чеченской революции» 1991 года, писал: «Дудаев, идейный коммунист, который так и не вышел из КПСС даже, когда ее признали преступной организацией, а также убежденный атеист, заявил, что он принадлежит к вирду Кунта-Хаджи, поэтому поддержка со стороны влиятельного братства ему было обеспечено»²⁰.

Д. Дудаев продолжает опираться на представителей зикризма, получает от них поддержку, особенно в периоды обострения внутренней борьбы с оппозицией. Ряд зикристов выдвигаются на ведущие должности в системе духовного управления мусульман Чечни, иные получают «хлебные» должности. Бывший ректор Исламского института в Чечне М. Насуханов высказал примечательную фразу: «раньше (имея в виду период правления Завгаева) власть в Чечне находилась у последователей накшбандийа, а теперь она у нас». Сказанное достаточно точно определяло соотношение сил между зикристами и накшбандийцами как при советской власти, так и при режиме Д. Дудаева.

Политический радикализм Д. Дудаева, опора на зикристов, освобождение от должностей последователей накшбандийа или их сторонников, оттеснение их на периферию политической жизни, особенно вирда Дени Арсанова, сформировали антидудаевскую оппозицию. С началом противостояния Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики осенью 1991 года и сторонников Дудаева многие представители накшбандийа становятся на путь политической борьбы с «революционерами». Идеологи чеченской революции обвиняли своих противников в предательстве интересов народа, сотрудничестве со спецслужбами России. Если в годы депортации чеченцев и ингушей суфийские братства являлись фактором единения народа, сохранения этнонациональной культуры, латентного противостояния атеистической власти, то втянутые в политические процессы они превращались в фактор внутринациональной вражды.

Распространение ваххабизма в Дагестане происходило не только через Багаудина Магомедова, но и Мухаммада Али, гражданина Саудовской Аравии, который в 1994 г. начал распространять в Карамахи это учение. Последний в своих проповедях высказывал мысль, что «почитание стариков – неисламский обычай, т. к. почитать можно толь-

¹⁸ Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимпы и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. – С. 105.

¹⁹ Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 192.

²⁰ Сосламбеков Ю. Нохчийчоь. – М., 1996. – С. 80.

ко Аллаха»²¹. Для этнической культуры народов Северного Кавказа, уважение старших, почитание стариков – глубокая традиция, регулирующая межпоколенные отношения. Но ваххабиты рассматривали этот древний обычай кавказских этносов, как отход от ислама. Здесь наглядно проявлялось противоречие не столько между суфизмом и ваххабизмом, что действительно имело место, сколько – социокультурное противоречие, возникшее в результате столкновения двух разных культур – кавказской и южно-аравийской.

В Дагестане отношение между представителями суфийского ислама и ваххабитами настолько углубилось, что власти этой республики стали применять силовые меры. В газете «Дагестанская правда» была опубликована статья «В гостях у чекистов», сообщающая, что состоялась встреча между членами Духовного управления мусульман Дагестана с представителями ФСБ РД, в ходе которой традиционное духовенство и спецслужбы пришли к единому мнению о необходимости совместного противодействия ваххабизму²². В последующем МВД Дагестана начал жесткое преследование ваххабитов, стал подвергать их обыскам, задержаниям, нередко подбрасывая им патроны или оружие. Если в Дагестане шел процесс силового давления на ваххабитов, то в Чечне, в отмеченный период, ваххабиты набирали политический и идеологический вес.

Как отмечает З. Яндарбиев, еще до начала российско-чеченской войны 1994 года, была учтена «необходимость построения исламского чеченского государства Ичкерия»²³. Конкретизируя сказанное, он пишет, что в «ноябре 1994 года, на Конгрессе чеченского народа, проходившем в корпусе «Б» Президентского дворца, вопрос переименования Чеченской Республики Ичкерия в Исламскую республику стоял в официальной повестке работы форума»²⁴. Тем не менее, за три года существования режима Дудаева этот вопрос не получил реализации, поскольку противниками его выступали последователи традиционного ислама, увидевшими в таком повороте противниками религиозно-политической ситуации и потерю своих позиций, однако, этот вопрос вновь возник тогда, когда напряженные взаимоотношения между Ичкерией и Россией достигли стадии открытого конфликта.

Антидудаевские силы, возглавленные т. н. Временным Верховным Советом, полагая, что власть Дудаева падет, если ее подтолкнуть, через отдельных чиновников из администрации президента России склонили Б. Ельцина к наведению «конституционного порядка» в Чечне. На принятие такого решения оказало влияние антидудаевски настроенное традиционное чеченское духовенство, призывавшее российское руководство избавить чеченский народ от тирании Дудаева. В Чечню были введены федеральные войска, начались столкновения между боевиками и военными, превратившиеся в масштабные военные действия. Ее итог – десятки тысяч жертв, особенно среди мирного населения, полное уничтожение экономики, социальной сферы, разрушение населенных пунктов Чечни. Насилие и жестокость, сопровождающие войну, способствовали мобилизации идеологии газавата. Все больше чеченцев оказывалось в рядах воюющих, мотивирующих свои действия местью за гибель близких, разрушенные села, посягательство на свободу и независимость.

Когда в декабре 1994 года в Чеченскую Республику были введены федеральные войска для наведения «конституционного порядка», чеченский муфтий, последователь Кунта-Хаджи, Х. Алсабеков объявил, что сопротивление чеченцев российской армии является газаватом, но, оказавшись в Знаменке, где находилось командование войск и оппозиционные Дудаеву силы, он отказался от своих слов. Преобладающее большинст-

²¹ Независимая газета. – 1997. – 17 мая.

²² Дагестанская правда. – 1994. – 16 марта.

²³ Зелымха Яндарби. Чей халифат? Б.м.и., 2001. – С. 74.

²⁴ Там же.

во традиционного чеченского духовенства также не считало сопротивление дудаевцев газаватом. Однако ряд молодых чеченских алимов, получивших образование в арабских странах, настаивали на его признании газаватом. Кадий Веденского района некто Рамзан через телевидение зачитывает документ, полученный ими от «муфтия Мекки», якобы подтверждавшего, что война чеченцев против российских войск является газаватом. Тем самым этот молодой мусульманский теолог, радикалистской ориентации, опираясь на авторитет «мекканского теолога», пытался узаконить «дудаевский газават».

В начале 1995 г. на заседании «Народного Конгресса Чеченской Республики Ичкерия», состоявшегося в селении Шали, было высказано недоверие муфтию Алсабекову, признанному дезертиром. Новым муфтием был рекомендован А. Кадыров. Позже он был избран алимами и утвержден Президентом Ичкерии Д. Дудаевым. З. Яндарбиев отмечает, что во время войны истинными служителями веры показали себя молодые муллы и алимы: Батукаев Шамсудин, Усаев Рамзан, Магомедов Абдул-Вахид, Ахмад-хаджи, муфтий Шатоя, имам Ведено Рамзан-Хаджи, Хамзат и Сайди из Хаттуни, Харон из Махкеты, Магомед из Джалки, Хамзат из Дагестана, шейх-Магомед из Курчалоя, Дауд из Алхазурова²⁵. Перечисленные молодые представители чеченского духовенства, как религиозные радикалисты, являлись сторонниками газавата против России. Старое чеченское духовенство, придерживающееся традиционного ислама, имевшее трагический опыт сталинской депортации, являлось откровенными противниками войны с Россией.

В апреле 1995 г. в горном селении Ведено, которое в период Кавказской войны, являлось одной из столиц имамата Шамиля, состоялся первый шариатский суд. Перед шариатским судом предстали несколько милиционеров, употреблявших спиртное. Организаторами этого суда были местный мулла Рамзан, глава районной комендатуры Ширвани Басаев. Но ключевую роль в этом деле сыграл, по мнению Яндарбиева, Шамиль Басаев²⁶. Шариатский суд вынес решение наказать каждого милиционера сорока палочными ударами. Прикрываясь шариатом, дудаевцы преследовали, похищали и избивали чеченцев, сторонников российской власти.

Обращение режима Д. Дудаева к шариату связано с тем, что, потерпев экономический, политический и культурный провал в Чечне, он рассчитывал на то, что с введением шариата в подконтрольных ему населенных пунктах мусульман можно будет изменить ситуацию в его пользу. Но дудаевская шариатизация вызвала волну возмущения среди верующих из-за несправедливых действий тех, кто её осуществлял.

Некоторые исследователи распространение ваххабизма в Дагестане связывают с Ахмадкади Ахтаевым, который считался умеренным сторонником этого религиозного явления. Будучи светски и духовно образованным, он проявлял толерантные отношения к сторонникам местного суфизма. Радикальное крыло ваххабизма в Дагестане, как было отмечено выше, представлял Багаутдин Магомедов, преследовавший цель распространения «истинного» ислама, путем совершения джихада против куфра (коиными считались местные мусульмане и пророссийская власть), создания исламского государства. Известный ростовский исследователь И.П. Добаев отмечает: «После завершения чеченских событий 1994–1996 гг. Багаутдин активно организовывал ваххабитские ячейки – «исламские общества» («джамааты») на территории Дагестана. На их основе в середине 1997 г. создается общественно-политическая организация «Исламское общество Дагестана» («Джамаат уль-исламиюн»), официально зарегистрированное в министерстве юстиции Республики Дагестан»²⁷. Это общество было необходимо для реали-

²⁵ Яндарбиев Зелимха. Чечения-битва за свободу. – Львов, 1996. – С. 361.

²⁶ Там же. – С. 362.

²⁷ Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3. – С. 64.

зации тех программных целей и задач, которые ставили перед собой представители радикального крыла ваххабизма.

Одна из причин того, что ваххабизм в Дагестане набирал силу, заключается в том, что сложились условия, порождающие коррупционные явления, приобретшие огромный масштаб. Руководители разных уровней, чиновники приватизировали наиболее доходные отрасли экономики и социальной сферы. В обществе царила явно выраженная социальная несправедливость, простые граждане не могли найти работу, сельская и городская молодежь все чаще вступала на путь криминала. Именно ухудшавшаяся социально-экономическая ситуация, культурный и идейный разброд способствовали значительному распространению ваххабизма в Дагестане. В этой ситуации представители традиционного ислама, шейхи суфизма оказались в состоянии растерянности. В сложный и переходный период им не удалось выступить в качестве духовной и политической силы способной интегрировать дагестанское общество на базе лучших общечеловеческих, в том числе мусульманских ценностей.

Духовные и политические идеи ваххабизма проросли на почве, где отношения между властью и народом приобретали выраженный антагонистический характер, граждане были отчуждены от источников нормального существования, а официальное духовенство и его позиция теряли свою идейную и идеологическую привлекательность. В этой ситуации многие молодые люди находили в ваххабизме моральную, идеологическую и материальную поддержку. Экономический, политический и культурный кризис, охвативший Дагестан и другие мусульманские регионы постсоветского пространства, сами ваххабиты объясняли отходом власти и верующих от «чистого ислама» и требовали возврата к нему. Выход из социального и духовно-культурного кризиса они видели в построении общества на основе строгих исламских ценностей, возвращении мусульман к так называемому золотому веку времен пророка Мухаммада и четырех праведных халифов.

В Чечне ваххабитское движение укрепилось после так называемой победы сепаратистов в августе 1996 г. Созданные временные комендантуры, в которых действовали шариатские суды, возглавлялись ваххабитами. В этих комендатурах шариатские суды наказывали представителей чеченской оппозиции, а также тех, кто употреблял спиртные напитки. После наказания по шариату за распитие спиртного, умер известный чеченский певец А. Далхадов. 20 августа 1996 г. шариатский суд в Грозном осудил бывшего дудаевского муфтия Х. Алсабекова за его двойственную позицию в вопросе о гавате и наказал 80-ю палочными ударами.

После 6 августа 1996 г., когда отряды чеченского сопротивления захватили г. Грозный, по всей Чечне образуются шариатские суды, укомплектованные либо ваххабитами, либо их сторонниками. Ряд лидеров чеченских ваххабитов вошли в состав чеченского правительства, сформированного президентом А. Масхадовым. Ваххабизм в Дагестане также усиливал свои позиции, хотя официальные органы власти предпринимали меры по ограничению их деятельности. Во многом это объясняется тем, что здесь активно работали филиалы зарубежных исламских организаций. Их деятельность имела не только гуманитарный, но и религиозный, просветительский характер. Некоторые зарубежные исламские центры и их филиалы в России осуществляли финансирование ваххабитского проекта – превращение Дагестана и всего Северного Кавказа в плацдарм для распространения религиозно-политического влияния сил, заинтересованных в распространении ваххабизма.

Деятельность ваххабитов в Дагестане, Чечне постепенно приобретала агрессивный характер. В представителях традиционного ислама они видели смертельных врагов. Всех, кто возражал им, не соглашался с их идейными и идеологическими установками, они зачисляли в безбожники, кафиры, мушрикины. По этому поводу А. Игнатенко пи-

сал, что «признание безбожниками (такфир от арабского слова «кафир», неверный) – один из главных постулатов ваххабизма». Он пишет, что в ваххабитской литературе постоянно всплывает тема тайного, скрываемого неверия мусульман, являющегося основанием для ваххабитского такфира и, следовательно, ведения вооруженного джихада против них, что является прямым оправданием насилия против любого мусульманского сообщества²⁸.

Радикализм ваххабитов вызывал тревогу и протест у представителей официального духовенства Северного Кавказа, которые пытались ограничить его воздействие на мусульман региона, предупреждали власти об угрозе, исходящей от ваххабизма. В Дагестане об опасности, исходящей от ваххабитов, заявлял муфтий этой республики С. Абубакаров, в Чечне против ваххабитов выступал муфтий А. Кадыров, в Ингушетии противником ваххабитов был муфтий М. Албогачиев, в Карачаево-Черкесии – муфтий И. Бердиев, следствием недовольства политики власти в Чечне по отношению к ваххабитам явились выступления оппозиции на митингах, проходивших в Грозном в 1997–1998 гг. А. Масхадова обвинили в том, что он окружил себя ваххабитами, а в принимаемых на митингах резолюциях, «выдвигалось требование отставки министров-ваххабитов»²⁹.

Укрепляясь политически, создавая, вооружая джамаатские группы, лидеры ваххабитов исподволь готовили захват власти в мусульманских регионах Северного Кавказа, прежде всего в Чечне и Дагестане. Доктринальное, идеологическое и политическое противостояние ваххабитов с представителями традиционного ислама, а также с властью – основные причины, приведшие к политическим и военным потрясениям в Дагестане и Чечне в августе 1999 года.

Сегодня эти события отдельные исследователи интерпретируют как попытку «ичкерийцев» аннексировать Дагестан, народы которого дали дружный отпор захватчикам. Так, некто В. Манягин пишет: «Лишь одно племя встретило чеченских бандитов с распростертыми объятиями и воевало плечом к плечу вместе с ними. Те же люди пытались совершить в Дагестане государственный переворот, устраивали взрывы в Махачкале и в Буйнакске в то время, пока остальные дагестанцы помогали России справиться с интервентами. Это были дагестанские «ваххабиты» – такие же потомки хазар, как и их чеченские соратники»³⁰.

Автор, употребляя выражение «чеченские бандиты», допускает оскорбительное отношение ко всему чеченскому народу, который никакое отношение к бандитам не имеет. Из цитированного высказывания явствует, что его автор совершенно не разбирается не только в этническом происхождении дагестанцев и чеченцев, но и самих хазар. Несмотря на то, что он посвятил свою работу прекрасному исследователю Хазарского каганата М.И. Артамонову, тем не менее, проявляет научное невежество, относя дагестанских и чеченских «ваххабитов» к потомкам хазар. Подобное высказывание означает явное незнание религиозно-политической, этнокультурной ситуации, которая складывалась на Северном Кавказе в 90-х годах XX века.

Деятельность ваххабитов, считающих только себя представителями чистого ислама, а последователей суфизма, традиционного ислама – «еретиками», подлежащими преследованию и даже физическому уничтожению, носила явно радикалистский и экстремистский характер. Как отмечает И.Р. Насыров, «претензии сторонников «чистого ислама» на «правомерность» только их направления вопреки идее равноценности всех

²⁸ Игнатенко А. Экстремизм – исламский или ваххабитский? // Угроза ислама или угроза исламу? – М., 2001. – С. 87.

²⁹ Акаев Вахит. Экстремистские трактовки джихада малопривлекательны для чеченского народа... // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 177.

³⁰ Манягин В. Хазары: таинственный след в русской истории. – М., 2010. – С. 221.

форм бытования ислама, в том числе суфизма, уже способствовали вкупе с другими причинами, разжиганию внутриисламских расхождений и противоречий, которые разрешаются нередко в трагической форме и наносят колоссальный вред как самим мусульманам, так и немусульманам, поскольку в условиях глобализации противоречия внутри огромной мусульманской общины с неизбежностью начинают отрицательно сказываться и за ее пределы»³¹.

Сформулированное высказывание достаточно полно отражает противоречивый характер взаимоотношений сторонников «чистого ислама» (на Северном Кавказе – это так называемые ваххабиты) и сторонников суфизма, приведшие к конфликтам и трагическому последствию, нанесшему большой вред мусульманам и представителям иных конфессий. Описанные выше конфликтные взаимоотношения между ваххабитами и традиционалистами демонстрируют их несовместимость и непримиримость, что проявляются не только в северокавказском регионе, но и во всемирном масштабе.

Литература

1. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. – С. 112.
2. Там же.
3. Там же.
4. ¹ Труд. – 2000. – 13 февраля.
5. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. – М., 1999. – С. 21.
6. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002. – С. 90.
7. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М., 2001. – С. 228.
8. Известия. – 1999. – 23 марта.
9. Независимая газета. – 1998. – 16 декабря.
10. <http://www.kavkaz.org/istoriya/kniga%Adallo>.
11. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. – С. 117-118.
12. Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Проблемы взаимоотношения власти и оппозиции. – Махачкала, 2002. – С. 60.
13. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 261.
14. Саид-Афанди аль-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. – М., 2003. – С. 99.
15. Вагабов М. Кто заинтересован в эскалации войны // НГ – Религии. – 1999. – 1 сентября.
16. Бобровников Владимир. Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): миф и реальность // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 82.
17. Там же.
18. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. – С. 105.
19. Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 192.
20. Сосламбеков Ю. Нохчийчоь. – М., 1996. – С. 80.
21. Независимая газета. – 1997. – 17 мая.

³¹ Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М., 2009. – С. 17.

22. Дагестанская правда. – 1994. – 16 марта.
23. Зелымха Яндарби. Чей халифат? Б.м.и., 2001. – С. 74.
24. Там же.
25. Яндарбиев Зелымха. Чечения-битва за свободу. – Львов, 1996. – С. 361.
26. Там же. – С. 362.
27. Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3. – С. 64.
28. Игнатенко А. Экстремизм – исламский или ваххабитский? // Угроза ислама или угроза исламу? – М., 2001. – С. 87.
29. Акаев Вахит. Экстремистские трактовки джихада малопривлекательны для чеченского народа... // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 177.
30. Манягин В. Хазары: таинственный след в русской истории. – М., 2010. – С. 221.
31. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М., 2009. – С. 17.